

Талант – единственная новость, которая всегда нова

Портрет Зураба Церетели в интерьере истории

Зураба - 2003-25 лет - с. 1, 10

Очень скоро Зурабу Церетели исполнится семьдесят лет. Время подведения итогов, поздравительных тостов, юбилейных комплиментов... И как же все это не подходит Зурабу, как не вяжется с ним, с его неукротимым молодым темпераментом, с его кипучей энергией!

О каком "подведении итогов" может идти речь, когда он весь устремлен в будущее, к новым проектам, экспериментам, творческим свершениям? Всякий день преподносит какую-нибудь трудноразрешимую проблему – и он бросается на решение этой проблемы, как на бой, требующий максимального напряжения сил и смелых, неординарных решений. Он весь в движении, ему просто некогда останавливаться, оглядываться назад. Он всегда "вперед".

Кому нужны юбилейные комплименты, когда перед каждым, кто так или иначе соприкасается с Це-

ретели, незамедлительно встает категорический вопрос: принимаешь ты или не принимаешь его творчество, разделяешь или не разделяешь его взгляды, идешь вместе с ним или против него? Можно принимать Церетели, можно не принимать – оставаться к нему спокойно-равнодушным, от юбилея до юбилея, не дано никому: ни коллегам-художникам, ни искусствоведам, ни зрителям.

Его постоянно упрекают в гигантомании, ставят ему в упрек его памятники, прежде всего Петра на стрелке Москвы-реки – буйного, огромного, взрывающего скучную панораму фабричных труб и унылых крыш, еще в 30-е годы вконец испортивших неповторимый облик старого Замоскворечья. Усталые, "законопослушные", жаждущие покоя москвичи вдруг заскучали о памятниках, пусть посредственных, но традиционно-привычных, никого

не волнующих и не задевающих. От его кормчего-Петра, возмущающего стариков и восхищающего мальчишек, так и веет знаменитой "Бригантиной" – Зураб остался верен флибустьерской романтике нашей молодости.

Сейчас кое-кто готов отречься не только от великих традиций классического искусства, но и от авангарда первой трети XX века, от живописи как таковой; отринуть за ненужностью как реализм, так и футуризм, оказаться от "дара Божия" – жарких красок на палитре, живого движения руки с кистью... Зураб не скрывает восторженного преклонения перед Ван Гогом, Матиссом, Модильяни, Пикассо... Таким восторгом светились мы в те незабываемые годы, когда еще недавно недоступные художественные откровения XX века вдруг ворвались в нашу жизнь, перевернули наше сознание. Церетели уже

тогда отлично воспользовался уроками великих мастеров и Запада, и России начала века, воспринял от них страстную приверженность к материалу живописи, к цвету, фактуре, плотности мазка. Научился смелости и остроте видения, бурной экспрессии, способности выявить, усилить, заострить форму вплоть до деформации, до знака, до живописной метафоры.

Он живет в живописи, служит ей самозабвенно. Когда в напряженнейшем распорядке дня ему удается урвать час-другой для работы в мастерской, он не помышляет ни о чем, кроме пластических задач, но каждый его сияющий ослепительным цветом, игрой сочных мазков "Подсолнух" предстает не просто еще одним "Букетом", а выигранным боем за живое искусство, которое не способен заменить никакой компьютер. Живопись Церетели – самостоятельное яркое явление

в современном искусстве, которое можно классифицировать как русский "неопостимпрессионизм", развитие лучших традиций нашей живописи конца 20-х годов, насильственно оборванных в 30 – 40-е, далеко не исчерпавших себя в 60 – 70-е. Рожденное в жарком противоборстве с рутинной, это направление и сейчас не оставляет места для спокойного, старческого созерцания... Какие уж тут "юбилеи"...

И еще одно "поле боя". Избалованные иллюзией легкости в использовании новых технологий, художники стали утрачивать вкус к профессиональному мастерству, к ремеслу. Мало кто в наши дни по-настоящему владеет техникой литья бронзы и изготовления смальты, способен работать равно и в мозаике, и в керамике, и в стекле, и в технике гобелена. Церетели с молодых лет, с годов своего учения

страстно увлекался самыми разными материалами, изучал их досконально, как изучали некогда средневековые подмастерья, чтобы со временем создать свой "шедевр" и получить высокое звание мастера. Он пробует себя буквально во всем и всегда – отливают ли он бронзовые врата для храма Христа Спасителя или изготавливает миниатюрные эмали, – предстает профессионалом самого высокого класса. Он хочет научить такому же отношению к своему делу молодых художников, поскольку уверен, что в наших художественных вузах надо готовить не дилетантов, а мастеров с безупречно поставленным глазом, идеальной точностью руки, способных уверенно и свободно работать как в станковых формах, так и в любых видах дизайна, прикладного искусства.

З. Церетели

(Окончание на 10-й стр.)